

ПРИКЛАДНАЯ ЭТНОЛОГИЯ

© 1996 г., ЭО, № 2

ОБСУЖДЕНИЕ ПРОЕКТА ЗАКОНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «ОСНОВЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА» *

Находясь в Австралии, достаточно трудно сравнивать ситуацию с аборигенами как меньшинством в Австралии и положение коренных народов Севера в России. В Австралии, как и в Канаде и Новой Зеландии, главной движущей силой правовых реформ, касающихся коренных народов, явилась политическая активность самих аборигенных народов. В частности, аборигенные народы в этих странах использовали «политику введения властей в замешательство», добиваясь осознания правительствами необходимости «отдачи долга» коренным народам, чтобы подтолкнуть к изменению законов. Мне кажется, это представляет интерес для антропологов в России, если они хотят определить, какая политика может быть наиболее эффективной в отстаивании прав коренных народов.

Важной задачей для российских антропологов является написание истории Российского Севера. Всемирному сообществу антропологов не хватает знаний об истории и колонизации Российского Севера.

Актуальным представляется вопрос о том, как в российском контексте используется понятие «коренные народы». Я думаю, что этот термин может быть использован только для некоторых групп (в некоторых ситуациях), иначе, по крайней мере в контексте мировой политической борьбы коренных народов и для коренных народов, это может создать трудности для русского населения при утверждении статуса «коренных» народов.

Таким образом, на мой взгляд, российским антропологам важно четко определить и разграничить следующие положения.

1. Историю северных народов как меньшинств с длительной историей их проживания на данной территории и историю населения, переселившегося на север в течение определенного, сравнительно недавнего периода.

2. Колониальную природу политики государства в отношении Севера после его включения в состав России, если эта концепция имеет сторонников в изучении Российского Севера.

3. Природу отношений между системой жизнеобеспечения коренных народов и в целом экономикой Российского Севера.

4. Сложные межкультурные отношения на протяжении этого столетия.

В связи с этими положениями возникает вопрос, до какой степени коренные народы сохраняют особую культурную и экономическую практику, чтобы оставаться «традиционными» и «коренными» меньшинствами, отличными от других групп? Я не уверен, что эти отличия заключаются в их архаичности, но возможно, что это и так.

Кроме того, необходимо прояснить вопрос о преемственности права на землю, основанного на обычном праве в связи с миграциями коренных народов на Российском Севере. Как показывают недавние дебаты о статусе аборигенных земель в Австралии, это один из важнейших вопросов для антропологов, который должен быть разрешен путем дискуссии.

* См. «Этнографическое обозрение» 1995, № 1, 3, 5, 6, 1996, № 1.

Я думаю, что одна из самых важных идей вашего законопроекта основана на стремлении оперировать скорее «гражданскими и общинными критериями», чем «чисто этническими» при определении прав коренных народов. Действительно, в австралийской (и не только в австралийской) литературе признается опасность концентрации внимания исключительно на культурных особенностях народов. Тем не менее опять возникает вопрос, какой из аргументов более важен в отстаивании интересов коренных народов Севера — особенности их культуры или бедность как результат их экономической интеграции в российское общество. Необходимо подчеркнуть, что в таких странах, как Австралия, для аборигенов (и в целом для нации) необходимо сохранять культурные особенности аборигенов и одновременно улучшать их экономические, политические и гражданские права. Центральным в обоих случаях остается представление о социальной справедливости. Насколько это понятие важно в сегодняшней российской ситуации?

Я думаю, что идея самоопределения нуждается в более тщательном изучении, если это именно то, к чему стремятся коренные народы. Эта концепция использовалась в некоторых странах коренными народами в определенные периоды более или менее успешно. Я думаю, что вопрос состоит в том, насколько реалистична эта категория, насколько отдельные группы (являющиеся или же не являющиеся меньшинствами) реально самоопределяются в современных условиях национальных государств. Это еще один вопрос антропологии и других социальных наук.

Каковы будут ответные действия остального населения Российского Севера, если коренные группы получат большую автономию? Стремятся ли сами коренные народы к сепаратизму, т. е. к автономии в экономике и политике? Или они хотят участвовать в широких правительственных организациях (государственных структурах) наряду с остальным населением? До какой степени по вопросу о расширении автономии точка зрения всех коренных народов едина? Возможно, только часть коренного населения считает, что их интересы будут лучше защищены, если они в большей степени отделятся от других россиян. По крайней мере, с этими вопросами сталкиваются антропологи и представители других социальных наук в таких странах, как Австралия, Новая Зеландия и Канада.

Проблема сохранения природы и природных ресурсов является особенно острой для экономического будущего коренных народов. Я думаю, что рассматривать развитие коренных народов как оппозицию индустриальному развитию, например горной промышленности, значит значительно упрощать дело.

В настоящее время я исследую одно из следствий такого противопоставления — взаимную «демонизацию» коренного населения и промышленности. На самом деле, в Австралии не все коренное население находится в оппозиции промышленному развитию. Ситуация сложнее и требует более внимательного анализа. В частности, было бы неверным упрощением однозначно осуждать тех, кто за промышленное развитие.

И конечно, важнейшим вопросом остается сосуществование охоты, собирательства, рыболовства и пастушества с разработкой природных ресурсов. Что здесь может предложить наука о сохранении природы?

Я надеюсь, что эти самые общие соображения могут оказаться полезными для специалистов по Российскому Северу.

Д. Триггер

Перевод *Н. И. Новиковой*

* * *

Я полностью поддерживаю законопроект «Основы правового статуса коренных народов Севера России» и разделяю взгляды авторов проекта на проблемы Российского Севера, на сохранение этнического и экологического разнообразия. В этих заметках я предлагаю доброжелательный критицизм. Меня беспокоит лишь то, как этот законопроект может быть претворен в жизнь.

Первое впечатление по прочтении законопроекта — на его осуществление требуется очень много денег. Кто будет платить за предоставление прав коренным народам: за организацию их самоуправления, медицинское обслуживание, возрождение культуры и образование? Также многие читатели законопроекта столкнутся с проблемой, как компенсировать ограничения промышленного развития в Сибири? Они могут спросить себя, в чем польза этого законопроекта для России? Она не определена в законопроекте и вступительной статье. Мы знаем, что охрана народов Севера представляет собой не краткосрочную, а долгосрочную задачу. Как биологи и экологи, которые беспокоятся о потере биологического разнообразия, антропологи и лингвисты знают, что потеря языкового и культурного многообразия отрицательно скажется на будущем человечества. Но мы не можем с уверенностью сказать, насколько плохо, каким образом и в каком временном отрезке.

В «список плюсов» вряд ли войдет материальная выгода. Государство скорее сможет улучшить жизнь своих граждан — представителей малых народов, следуя законопроекту, а не своей финансовой и экономической политике. А наша задача определить все потенциальные преимущества и показать, как социальные и экономические механизмы могут работать.

Нам приходится иметь дело с так называемой «проблемой рынка». Так говорят бизнесмены, но это касается и антропологии¹. «Проблема рынка» привела к тому, что антропологическая продукция «не нужна» большинству американцев и русских. Из-за потребительского отношения к жизни люди принимают решения на основе того, что они могут получить материально, и не всегда руководствуются интеллектуальными или моральными аргументами. Форма изложения для законопроекта так же важна, как упаковка для нового товара. Ведь этот законопроект идет против европейской теории экономического (промышленного) развития и прогресса².

Легко представить себе, что по мере ограничения индустриального освоения ресурсов на Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке юристы, администраторы, экономисты, корпорации, рабочие и чиновники потеряют большие деньги в виде зарплат, возможности экономического роста, возможности для продвижения по службе. Они также могут потерять, повернувшись лицом к коренным народам, власть в управлении, образовании, здравоохранении, права землепользования и особенно права собственности. Но более подробное объяснение позитивных последствий принятия закона сделает его более привлекательным для более широкой аудитории читателей.

Каков же долгосрочный, малоисследованный, не денежный успех от защиты прав коренных народов и выделения территорий традиционного природопользования?

Законопроект может предложить создание этно-экологических резерваций. Коренные народы станут сторожами парков, включенных в смешанную экономику для поддержания стратегии традиционного производства. Так как их экономика традиционна, они не будут сверх меры эксплуатировать ресурсы, что позволит использовать ресурсы для их собственного существования при минимальном участии в индустриальной экономике.

Этого добиться очень легко, а в результате ценные возобновляемые ресурсы, такие как высокого качества дичь и рыба, меха и кожа, плавно войдут в национальную экономику путем, который может долгосрочно поддерживаться. Это полезно обществу, так как не позволит деградировать флоре и фауне на землях их предков.

Последствием законопроекта явится сохранение этих территорий для будущего, что важно для всех российских граждан. Сибирь представляет собой последнее в мире большое пространство нетронутой тайги и населенных аборигенами земель. С этой точки зрения, мы должны объяснить неспециалистам, что аборигенные группы могут контролировать эти территории без пагубного влияния на природу Севера.

Противники законопроекта могут сказать, что новая технология, школьное образование, сохранение здоровья, механизация транспорта и растущая подвижность не являются традиционными на Севере. Антропологи могут объяснить, что дает традиционная экономика: родственное сотрудничество (взаимопомощь), систему родства и систему ценностей, которые связаны с ней.

Экономические ценности базируются на родстве, например, когда природные ресурсы находятся в коллективной собственности и используются родственными или семейными группами³. Общинное распределение и общинное производство и неформальный социальный контроль (обычное право) — легко различимые черты аборигенного общества. К этим социальным обязательствам родственные группы были принуждены так называемыми «перераспределениями» или «механизмами невелировки», когда общество диктовало правила, деятельность, способы общения, шутки и игры, и все это выполняло функции установления равенства и равной доли внутри родственной группы.

Поэтому конкуренция между людьми, поведение самовозвеличивания, которое ведет к конкуренции за ресурсы и рост индивидуальных ресурсов были сильно ограничены. Родственное сотрудничество, облегчавшее использование общественных ресурсов, и социальное равенство являются сутью традиционной экономики. Именно поэтому она совместима с экономическими резервациями.

По вопросу об объекте юридической антропологии и антропологии в целом мне бы хотелось отметить, что главную проблему составляет социальное поведение людей. Антропология — описательная наука, а не нормативная (как экономика). Антропология описывает, что происходит, и затем старается вывести основные закономерности.

Относительно проблемы определения статуса коренных групп я думаю, что каждая группа будет сама устанавливать критерии отнесения своих общин к аборигенным в тех достаточно широких рамках, которые предложены в законопроекте. Аборигены в США используют такую процедуру: для получения статуса абориген, на основании документов или поручительства, обращается к совету племени; затем решается вопрос о его статусе в племени. Членство добровольно, хотя для получения статуса в племени служит наличие общих предков.

Согласно предложенному законопроекту, наиболее важным для долговременной стабильности аборигенных групп и их земель являются ограничения капитальных инвестиций и промышленного развития на территориях, определяемых для традиционного природопользования (этно-экологических резерваций, другими словами). Законопроект определяет эту категорию земель и специфику процессов распределения и управления. Если закон будет способствовать этому, нельзя не признать его большим шагом вперед.

Главная идея моих комментариев — показать потенциальные затраты и выгоды от проведения законопроекта. Я верю, что реальный успех будет иметь перевес над издержками, но многие читатели законопроекта в его настоящей форме могут с ним не согласиться. Впрочем, можно легко доказать, что аборигенное самоопределение может повлиять позитивно на прогресс защиты прав человека в России, а также положительно сказаться на ее международном политическом имидже. Другой потенциальный успех — развитие общинных программ управления ресурсами, которые сократят государственное бюджетное финансирование и будут способствовать сохранению ресурсов. Через долговременное экологическое сохранение и через воспроизводство возобновляемых ресурсов аборигенных групп законопроект может сделать Россию мировым лидером в экологической защите. Значение этого может быть очень существенным как для российских, так и для американских антропологов при исследовании соотношения традиционной и рыночной экономики и взаимоотношения коренных групп, государственных структур и промышленных корпораций, что является актуальным в современном мире.

Д. Зайкер

Перевод *Н. И. Новиковой*

Примечания

¹ См. *Bodley J. Victims of Progress. N. Y., 1990.*

² См. *Sahlins M. Stone Age Economics. L., 1974.*

³ *Barth F., ed. Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Cultural Difference. 1969.*